

# Не играйте с луной

Прозаику, драматургу и художнику Юрге Иванаускайте — двадцать пять лет

В ПОЗАПРОШЛОМ году вышел сборник ее новелл для молодежи «Год ландышей», заслуживший особое внимание критиков. Несколько новелл переведены на немецкий, чешский языки, полностью сборники собираются издать в Эстонии и Армении. Вскоре издательство «Вага» выпустило роман Ю. Иванаускайте «Блуждающие деревья», по мотивам которого Литовская киностудия собирается снять художественный фильм. Юрга завершает работу над вторым сборником новелл. Но пока, видимо, на первом плане у нее театр: чтобы понять это, достаточно увидеть Ю. Иванаускайте в академическом театре драмы вместе с режиссером Гитисом Падегимасом, бутофорами, осветителями.

— Долгое время я была абсолютно равнодушна к театру. А для моей бабушки, например, театр — это храм, где она жила. Для меня театр ничего не значил до гастролей Каунасского драматического, когда я увидела спектакли, поставленные Ионасом Вайткусом, — «Последние», «Калигула»... Затем я прочла в печати призыв Гитиса Падегимаса к молодым авторам — пишите пьесы! Вот я и попробовала.

Премьера на малой сцене академического драмтеатра. Пьеса Юрги Иванаускайте «Не играйте с луной», жанр, кото-

рый автор определила так: «Исповедь в пустой исповедальне». Вслед за Р. Растаускайсом, который написал пьесу в семидесятилетнем возрасте и, видимо, все еще остается самым молодым драматургом, Юрга тоже рано дебютирует в театре. Она одновременно и художник спектакля. Правда, она и раньше создавала театральные плакаты (в 1985 году Ю. Иванаускайте закончила художественный институт по специальности графика), в основном к постановкам Каунасского драмтеатра «Ричард III», «Уроки литературы».

Юрга в театре продолжает откровенный разговор о своих ровесниках, начатый в сборнике новелл «Год ландышей». Но уже на другом уровне. Ведь не случайно Инга, главная героиня пьесы, — известная актриса, играет Саломею Оскара Уайльда, не случайно все герои варьируют основную тему творчества этого писателя — тему природы, призвания художника, его миссии. А происходит это на девятом этаже стандартного девятиэтажного дома, в квартире, за окнами которой «видны пролетающие самолеты». К этому окну подходит один за другим, чтобы посмотреть на луну (или задержать шторы), пятеро героев, молодых людей, объединенных материальными и не совсем материальными связями. В то же окно Ионас и выбрасывается, но через несколько минут вновь выходит из соседней комнаты. Глубоко болезненные судьбы всех героев (хотя, казалось бы, живут они нормально), их взаимоотношения — решающие — протекают в зеркальном, дурпурном пространстве спектакля. Для кого-то, можно заранее предположить, это будет неприемлемо. Я слышала, например, точку зрения актера, незанятого в спектакле: «Бросаться с девятого этажа и через две минуты вернуться... не понимаю...» Подобное уже случалось с творчеством Юрги. Она может шокировать, возмутить, нарушить покой тех, для кого проблемы души все еще неважны. Кто склонен только наказывать, а не выяснять: «почему», «откуда», «как».

Вышедший в 1985 году «Год ландышей» вызвал сумятицу среди читателей (в первую очередь среди учащихся и студентов). Поколение узнало себя. Критика тоже неоднократно обсуждала сборник. Последовали не только положительные отзывы: у некоторых вызвал подозрение герой Юрги — молодой интеллект, живущий не в привычном для нас мире, а в мире музыки, живописи, обусловленном парадоксом, фантазией, возвышенными и становящимися решающими деталями. Саулюс Шальтянис, рассуждая о прозаических де-

бютах 1985 года в журнале «Пяргале», так отзывался о героях Юрги Иванаускайте: «...Будто какие-то создания особой породы все играют и играют в странные игры... панически боясь плакать или смеяться...» И еще одно обвинение в их адрес: «Никто этим героям ребра не ломает, а хлеб насущный не особенно их заботит...» Тут хочется усомниться: только ли тогда больно, когда ломают ребра, вызывает ли страх у молодежи только забота о хлебе насущном!

О первой книге Юрга сегодня говорит: — «Год ландышей» — пройденный этап. Новеллы я создавала в восемнадцатилетнем возрасте. Но пишущие о «Ландышах» просто их не поняли. Большинство писали не о книге, а неизвестно о чем. Подобное произошло и теперь, когда в еженедельнике «Литература ир мянас» был опубликован «Последний поезд», затем обсуждавшийся там же А. Вучисом. Ведь не понял критик новеллы! Она об одиночестве — не о наркомании. И о том, что еще при жизни человек может умереть (эта старая ситуация в литературе). Критик нападает на «модную» тему наркомании и сам же на ней попадается. Боюсь, как бы мне не приклеили ярлык пишущей только о наркоманах...

Парадокс, но взрослым, казалось бы, людям надо учиться жить, оценивать прошлое, каждый раз возвращаться в «дух интерната», о котором говорит герой пьесы «Не играйте с луной» Повилас. И героев пьесы мы действительно не обвинили бы в боязни плакать или смеяться... Они, несмотря на самые фантастические повороты действия и на луну, которая словно шестой герой там, за окном, среди пролетающих самолетов, — говорят о делах человеческих и существенных. Они тоскуют по достоверности и страдают, поскольку не могут ее испытать, не выпрямляются, утратив ее. И наркотики тут не являются ни целью, ни средством. Герои пьесы уже знают, что они не спасают. Стоит ли доказывать, что на этой земле никто не застрахован от утрат. И молодым это особенно больно. В пьесе Юрга, как мне кажется, заметно приблизилась к сути, к боли. Ю. Иванаускайте своим драматическим произведением словно отрицает миф о себе самой: я проще, забочусь о судьбе человеческого счастья. Тайнственная панковская сумка героини «Год ландышей» уже покоится на гвозде. Причем не следует путать героя с автором. Мы демонстрируем глубокий провинциализм, отождествляя писателя с героем и его пороками...

— Меня считают баловнем судьбы: и книги я издаю, и пьесы мою поставили, да еще выставки, переводы... Но жизнь довольно часто поворачивается ко мне теневой стороной. В детстве я много боле-

ла. И хотя в те годы я, казалось, не видела темных красок, теперь часто вспоминаю больницы в Ленинграде, одиночество... Мама долго запрещала мне писать, утверждая, что из этого ничего не получится. Но мне хотелось доказать. Я ходила по психиатрическим больницам, хотела увидеть настоящих наркоманов, понять, что их вынуло к этому. И что же — сидит девчонка на койке и вяжет. О чем тут говорить, какие там драмы. Уныло... Но у большинства героев есть реальные прототипы. Итак, тогда я «доказала». А теперь не чувствую себя ни такой сильной, ни такой уверенной, как тогда, когда относилась первые новеллы Ионасу Микелинскому, который их не разругал, а сказал «хорошо». Теперь же я чувствую себя неловко даже в секции молодых писателей.

— Может быть, потому, что ты в двойственной ситуации женщины и художника? Или потому, что не участвуешь во всей этой литературной суете, а просто работаешь? Обязателен ли выбор между творчеством и «нормальной» женской жизнью?

— Я должна была выбирать. Сама видишь, что я выбрала. Что выбрала бы теперь, если бы пришлось? Не знаю. Хотя пишущих женщин становится все больше (вполне естественно, что они стремятся реализовать себя), к женщине-художнику относятся с подозрением. Все — от преподавателей в институте, пишущих ровесников-мужчин до редакторов издательств. Я отнесла в издательство книгу для детей «Волшебная клюква» с десятью своими иллюстрациями, мне сказали, что слишком многое в них пугает, у птиц длинные когти, слишком ярко окрашенные... Гитис Падегимас посоветовал: надень на них перчатки...

Как удивляет и пугает то, что увидели не мы впервые. Как мы настораживаемся, когда говорят правду, в которую все мы в душе верили. Кто-то должен быть первым и дорого платить за эту адскую привилегию. Сегодня к наркомании мы относимся просто как к несчастью, сегодня мы уже ищем истоки этой беды, спрашиваем в первую очередь, почему такое происходит? Где перерезана артерия? Об этом и пьеса Юрги.

Л. ТИРВАЙТЕ.